ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

ХАЗАРИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

НАРОДЫ АФРИКИ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

ТЕНДЕНЦИИ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА НА РУСИ

МОСКВА: КАНУН 1917 ГОДА

ИСПАНСКИЙ ГУМАНИЗМ XV-XVII ВВ.

НОРМАННЫ В ГРЕНЛАНДИИ

2

МОСКВА · 1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1987

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

М. А. Молодцыгин — Великий Октябрь и некоторые вопросы советского военного строительства (октябрь 1917—1920 г.) 3
Член-корреспондент АН СССР **А. П. Новосельцев** — Хазария в системе международных отношений VII—IX веков 20
Н. М. Зотов — Португальский колониализм и борьба народов Анголы и Мозамбика за независимость 33
С. Я. Карп — Религиозная проблема в годы Французской буржуазной революции конца XVIII века 50
Б. Г. Могильницкий (Томск) — Тенденции развития современной буржуазной исторической мысли 60

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В. И. Горемыкина (Минск) — О генезисе феодализма в Древней Руси . . . 78

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Член-корреспондент АН СССР **Ю. А. Поляков** — Москва: канун 1917 года . . 101
С. С. Лосев — Испанский гуманизм (XV—XVII вв.): представители и проблемы 112

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

А. Ш. — В Бюро Отделения 126

Рецензии

В. И. Миллер — Г. Л. Соболев. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября 129
Г. Н. Вульфсон (Казань) — Р. Г. Эймонтова. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической . . 132
А. Г. Кузьмин — Б. А. Успенский. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни 135

К. В. Кобылянский, Г. И. Щетинина — М. А. Додолев. Россия и Испания 1808—1823 гг. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения 139
А. Ф. Рогалев (Гомель) — Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя 141
А. А. Кокошин — В. Ф. Петровский. Безопасность в ядерно-космическую эру. (I); В. Ф. Петровский. Советская концепция безопасности (II) 144
Академик **А. Л. Нарочницкий** — Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850—1864. Документы 146
Г. С. Кучеренко — Ю. В. Борисов. Шарль-Морис Талейран 150

Новые книги 153
Статьи в советских периодических изданиях 155

Хроникальные заметки 158

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Я. Н. Щапов — Симпозиум о древнерусских традициях в языке, литературе и истории 162
С. П. Пожарская, О. И. Варьяш — Коллоквиум историков СССР и Португалии 163
И. М. Пушкарева, Ю. И. Кирьянов — Коллоквиум по истории рабочего движения 165

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Д. М. Проэктор, академик **А. М. Самсонов** — Владо Стругар. Югославия в огне войны (1941—1945) 169
А. В. Ревякин — М. Вовель. Массовое сознание революционной эпохи. Общество и массовое сознание во время Французской революции 171

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах 174
Рецензии на советские издания 176

Хроникальные заметки 176

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

М. В. Кумок (Мелитополь) — Российский посланник в Англии А. Д. Кантемир 178
В. Е. Возгрин (Ленинград) — Гренландские норманны 184

Сведения об авторах 189
Резюме статей на английском языке 190

© Издательство «Правда», «Вопросы истории», 1987.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Б. Г. Могильницкий

В трудах советских историков раскрыты идейно-теоретические основы современной буржуазной исторической науки, охарактеризованы ее существенные черты и основные течения, детально рассмотрены некоторые наиболее значительные историографические явления. Вместе с тем теоретико-методологические искания современной буржуазной историографии ставят перед исследователями новые вопросы, ответ на которые заставляет внимательно следить за тенденциями ее развития. Только обнаружив эти тенденции, выявив их подлинный научный смысл и идейную направленность, можно установить закономерности развития современной буржуазной исторической науки.

По крайней мере два обстоятельства серьезно затрудняют решение этой задачи. Одно из них — незавершенность самого объекта исследования, отсутствие сколько-нибудь значительной временно́й дистанции между ним и его исследователем. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что «при суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удается дойти до конечных экономических причин», хотя и добавлял, что неизбежность ошибок «никого не заставляет отказываться писать историю текущих событий»[1]. Очевидно, что это положение относится и к изучению духовной сферы жизни современного общества, где еще труднее обнаружить конечные причины совершающихся там изменений. Да и сами эти изменения с трудом поддаются оценке ввиду сложности разграничения краткосрочных, быстротекущих явлений и долговременных тенденций, определяющих на более или менее длительный период развитие различных сторон духовной жизни капиталистического общества. За калейдоскопическим мельканием имен, работ, точек зрения трудно разглядеть ведущие тенденции, определяющие облик современной буржуазной историографии, и тем более — их социально-классовые истоки. К тому же, несмотря на далеко зашедший процесс интернационализации буржуазной исторической мысли, все еще продолжают сохраняться известные, а подчас и существенные различия между национальными историографиями, в том числе и в идейно-теоретическом плане. Это, естественно, еще более затрудняет формулирование общих суждений о современной буржуазной историографии в целом.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть современное состояние буржуазной исторической мысли под углом зрения понимания ею природы и задач историописания. Представляется, что именно в трактовке этих вопросов в 70-х — начале 80-х годов происходят существенные сдвиги, позволяющие говорить об определенной тенденции,

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 529, 530.

оказывающей заметное влияние на общий облик буржуазной историографии.

Развитие исторической науки, как и всех форм духовной жизни современного общества, совершается под могущественным влиянием глобальных процессов, протекающих в нынешнем мире. Обостряющееся противоборство двух социальных систем и возрастающая угроза ядерной катастрофы, научно-техническая революция (НТР) и экологический кризис — вне учета этих факторов, определяющих облик современного мира, нельзя понять до конца крупнейшие проявления его духовной жизни. В полной мере это относится и к современной буржуазной историографии. Указанные факторы определяют атмосферу, в которой она развивается, ее общий идейный настрой, который в целом является достаточно пессимистическим.

Не случайно автор одного из новейших обзоров западногерманской историко-теоретической литературы Э. Веймар напрямую связывает доминирующие на Западе тенденции в осмыслении современного и будущего человечества с «господствующим... в широких кругах ощущением надвигающейся катастрофы»[2]. Только такое ощущение могло вызвать к жизни книгу П. Берглара, пронизанную глубоким убеждением, что миру грозит адская катастрофа, которую может предотвратить только этическое (религиозное) возрождение. Автор обрушивается на идею прогресса как «химеру», и даже простые и аксиоматические суждения вроде того, что повышение технического уровня цивилизации, улучшение социально-экономических условий жизни означают подъем состояния человечества, он квалифицирует как «один из наших многочисленных шизофренических способов поведения»[3].

Книга Берглара, написанная с позиции воинствующего теолога, не приемлющего современность именно потому, что она является отходом от «божественного плана», едва ли заслуживала бы внимания, если бы не предисловие к ней, написанное маститым западногерманским историком Т. Шидером, в котором он по существу солидаризируется с основными положениями книги. Излагая концепцию автора и в особенности подчеркивая его убеждение в том, что бог присутствует во всем ходе истории, Шидер заключает: «Здесь нельзя спорить. Мы можем только восхищаться мужеством и уверенностью, с которыми он (Берглар.— *Б. М.*) делает свое дело»[4]. Так современная буржуазная историческая мысль смыкается с прямым фидеизмом и обскурантизмом.

Этот факт — сам по себе не новый. Как известно, В. И. Ленин еще в начале столетия обосновал его применительно к идеалистической философии[5]. Новой, пожалуй, является лишь та откровенность, с которой идут сегодня признанные буржуазные авторитеты на союз с религией. Распространенным явлением стала апелляция к религиозным категориям, в особенности, когда речь идет об основополагающих положениях исторической науки. Неудивительно поэтому, что идея прогресса отрицается в современной буржуазной историографии и на том основании, что она несовместима с идеей «божественной справедливости»[6]. При этом подчеркивается принципиальная совместимость научного знания и религиозной веры. Подлинная наука, утверждает профессор Ганноверского университета (ФРГ) О. Г. Экспе, не отрицает того, что «наряду с ее способом познания действительности существуют другие — «жизнь» как сфера решений и деятельности, искусство и, конечно, религия»[7].

[2] Weymar E. Geschichtswissenschaft und Theorie (Literaturbericht).— Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (далее — GWU), 1983, Hf. 2, S. 139.
[3] Berglar P. Fortschritt zum Ursprung. Salzburg. 1978, S. 63.
[4] Schieder Th. Zum Geleit. S. 8.
[5] См. Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 380.
[6] См. Weymar E. Op. cit., S. 138.
[7] Oexle O. G. Die Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus.— Historische Zeitschrift (далее — HZ), 1984, Bd. 238, Hf. 1, S. 55.

Важнее, однако, другое. Глубокое осознание буржуазными историками кризисности, даже катастрофичности нашего времени побуждает их к активному действию. Существенно новым моментом в развитии современной буржуазной историографии является ее явно возросшая в последние 10—15 лет самооценка. На смену еще недавно распространенным на Западе пессимистическим суждениям о возможностях истории в современном мире, доходившим до полного отрицания всякой ее социальной значимости ввиду якобы непроходимой пропасти между прошлым и настоящим [8], приходит убеждение, что как раз знание прошлого составляет необходимую предпосылку овладения настоящим.

Разумеется, это не означает преодоления кризиса буржуазной историографии, который на современном этапе выступает прежде всего как кризис ее социальной функции [9]. По-прежнему, хотя, может быть, и не так единодушно, как 10—15 лет назад, ученые признают кризисное состояние исторической науки. Но важно при этом подчеркнуть, что возможность выхода из него усматривается ими именно в социальном потенциале этой науки, ее способности в какой-то мере содействовать преодолению пессимистического мироощущения. Таков, в частности, ход рассуждений американского автора Д. Джойса, размышляющего о природе исторической науки. Он начинает с признания того непреложного факта, что ее кризис продолжается и в некотором отношении даже обостряется, проявляясь, в частности, в падении статуса преподавания истории как в средней, так и в высшей школе. Тем не менее сам автор твердо верит в высокое общественное призвание своей науки, способной поставить знание прошлого на службу современности. «История,— пишет он,— есть изучение человеческого прошлого в целях понимания и возможного улучшения человеческого настоящего и будущего» [10].

Это определение истории, акцентирующее ее социальную значимость, интересно не своей уникальностью, а, напротив, своей ординарностью. В нем отразились свойственные современной западной историографии претензии на социальную активность. С характерной ссылкой на знаменитый тезис К. Маркса [11] утверждается, что задача истории состоит в том, чтобы способствовать изменению мира. Именно от того, насколько успешно эта задача решается, полагает западногерманский историк Р. Хессе, зависит выход исторической науки из кризиса. «Марксов тезис, что дело в том, чтобы изменить мир, следует... понимать как предпосылку решительного поворота, который должна сделать понимающая свою ответственность историческая наука» [12]. При этом обращает на себя внимание настойчивое прокламирование ответственности истории не только за настоящее, но и за будущее мира. Вопреки еще недавно доминировавшим на Западе представлениям, апелляция к будущему провозглашается профессиональной обязанностью историка [13]. «Историк,— считает Э. Шулин (ФРГ),— должен размышлять о том, какие шансы в будущем имеет человечество, от каких ценностей ради этого оно может или должно отказаться и от каких не должно отказываться» [14].

Для господствующих ныне взглядов на место истории в обществе является симптоматичным выход книги, автор которой, западногерманский ученый Р. Шёркен, раскрывая многообразные пути вторжения ис-

---

[8] См., напр.: Pares R. The Historian's Business and Other Essays. Oxford. 1961; Plumb J. H. Crisis in the Humanities. Lnd. 1964; Lauer H. E. Die Forderung des 20. Jahrhunderts an die Geschtichtsforschung. Freiburg. 1966.

[9] См. Могильницкий Б. Г. Современный этап кризиса буржуазной исторической науки.— Вопросы истории (далее — ВИ), 1980, № 9.

[10] Joyce D. D. History and Historians. Washington. 1983, pp. 3, 6.

[11] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 4.

[12] Hesse R. Geschichtswissenschaft in praktischer Absicht. Wiesbaden. 1979, S. 97.

[13] См. Schulin E. Die Zukunft im historisch—politischen Denken des 20. Jahrhunderts. In: Geschichte und Zukunft. Brl. (West). 1978, S. 110.

[14] Schulin E. Traditionskritik und Rekonstruktionsversuch. Göttingen. 1979, S. 233.

тории в повседневную жизнь, формулирует положение о существовании общей человеческой потребности в истории, ибо вне ее невозможно самопознание ни человека, ни общества. «История,— утверждает он,— есть ближайший путь к человеческому Я. Она — зеркало, в котором ищут самого себя, свои проблемы, собственную эпоху и в измененном образе находят их» [15].

Одной из наиболее притягательных сфер практического применения исторических знаний является политика. Связь истории и политики, как известно, всегда признавалась в буржуазной науке. В современной западной литературе она рассматривается, в частности, под углом зрения исследования теоретической природы и практического значения такой связи. В этом плане представляет интерес отдельный выпуск влиятельного международного журнала «History and Theory», посвященный рассматриваемой проблеме. Он открывается статьей Шидера, которая имеет программный характер. Ее буквально пронизывает мысль о выдающейся социально-политической значимости истории. Автор полемизирует с идущим от Ницше взглядом о «вреде истории», определяя ее как «компас, который может помочь нам проложить путь в будущее» [16].

Каким же образом история способна выполнять функцию «социального компаса»? Ответом на этот вопрос служит содержание статьи, обосновывающей положение, что из исторического сознания вырастает политическое действие. На разнообразном материале Шидер показывает выдающееся политическое значение исторического сознания как в прошлом, так и — в полемике с представлениями об отсутствии связи между историческим прошлым и технологическим будущим — в настоящее время. Ибо, полагает он, «историческое сознание способно противостоять опасностям современной технологической цивилизации и восстановить непрерывность в человеческой истории». Но, предупреждает автор, историческое сознание может быть и ложным, иллюзорным, построенным на извращении исторической истины. Чтобы не допустить этого, он характерным образом апеллирует к политическому руководству, которое должно гарантировать истории как современной критической научной дисциплине и фактору политического воспитания надлежащий статус. «Есть не только политическое действие, вытекающее из исторического сознания, но и также, я полагаю, политическое действие во имя исторического сознания» [17],— заключает свою статью Шидер, прямо взывая к буржуазному государству и, таким образом, обнажая классовый смысл своих рассуждений.

Не останавливаясь на других статьях, помещенных в том же выпуске журнала, отметим полемику видного западногерманского методолога К.-Г. Фабера против положения, что история не может предоставить «формулы для действия в настоящем или планирования в будущем» [18]. Буржуазные теоретизирующие историки настойчиво рекомендуют свою науку как политическую, способную при надлежащей поддержке со стороны правящих кругов активно влиять на политику во имя укрепления основ капиталистического общества.

Возрастающие претензии буржуазной историографии на свою социальную значимость не могут рассматриваться изолированно от протекающих в ней внутренних процессов, связанных с определенным пересмотром некоторых ее исходных теоретико-методологических установок. В самом общем виде их суть может быть охарактеризована как модернизация этих установок в условиях НТР, нашедшая свое выражение в т. н. сциентизации (от английского science — наука) исторического по-

[15] Schörken R. Geschichte in der Alltagswelt. Stuttgart. 1981, S. 115.
[16] Schieder Th. The Role of Historical Consciousness in Political Aktion.— History and Theory (далее — HT), 1978, vol. XVII, № 4, Beiheft 17, p. 8.
[17] Ibid., pp. 15, 18.
[18] Faber K.-G. The Use of History in Political Debate.— Ibid., p. 36.

знания, достигавшейся путем усвоения методов социальных и естественных наук. Сближение истории с этими науками определяло магистральную линию ее развития в последние десятилетия. Несомненны определенные позитивные результаты, полученные буржуазной историографией на этом пути. К ним следует отнести, в частности, значительное расширение проблематики исследований; возникли и интенсивно развиваются новые исторические субдисциплины, в той или иной степени обогащающие наше знание прошлого, открывающие новые его пласты и срезы. Произошло существенное переосмысление самой природы исторического познания, а тем самым — и предмета истории. Его направленность хорошо выразил известный английский историк Дж. Барраклоу. «Если мы...— писал он,— хотим установить, в чем проявилось влияние социальных наук на позиции и взгляды историков, то, несомненно, первым и самым общим его результатом следует признать существенное смещение фокуса от особенного к всеобщему, от событий к структурам и от описания к анализу» [19].

Так возникла «новая историческая наука», или «новая научная история», во многом определяющая лицо современной буржуазной историографии. Ее характерной чертой стал междисциплинарный подход, в рамках которого осуществляется систематическое исследование социально-экономических и идейно-духовных основ исторического процесса. По многочисленным признаниям самих буржуазных историков, их обращение к такому исследованию было прямо связано с влиянием марксистской методологии. Если к этому добавить широкий поток литературы по самым различным проблемам экономической и социальной истории, исторической демографии, истории массовой культуры и т. п., то становятся очевидными сдвиги, происшедшие в последние десятилетия в самом буржуазном историческом мышлении и приведшие в конечном итоге к росту самосознания буржуазной исторической науки [20].

Вместе с тем сегодня все более явственно обнаруживается и другое. Сциентизация буржуазной исторической науки не оправдала возлагавшихся на нее надежд в главном — она не привела к преодолению кризиса ее теоретико-методологических основ. И это закономерно, ибо она практически не затронула основополагающих принципов, на которых покоится современное буржуазное историческое мышление. Речь идет не только о том, что оно осталось в своей основе идеалистическим. Примечательно другое — с претензией современной буржуазной историографии на научность причудливо уживаются представления, по существу ее отвергающие. Прежде всего буржуазная историография так и не смогла избавиться от присущих ей иррационалистических представлений. Сильная струя иррационализма характерным образом особенно рельефно проявляется в подходе к наиболее фундаментальным историко-мировоззренческим проблемам. В его основе лежит убеждение, нашедшее емкое выражение в формуле Шидера о том, что «история остается загадкой, даже если ее отдельные фазы были бы объяснены до последних деталей» [21].

---

[19] Barraclough G. Main Trends in History. N. Y.— Lnd. 1978, p. 51.

[20] О ведущих тенденциях в развитии теоретико-методологических основ буржуазной историографии XX в. см.: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М. 1977; Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии. В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М. 1978; Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л. 1979; Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М. 1980; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980; Данилов А. И. Проблема континуитета в историографии ФРГ.— ВИ, 1981, № 3; и др.

[21] Schieder Th. Zum Geleit. In: Berglar P. Op. cit., S. 5.

Своеобразной теоретической основой такого убеждения является представление об иррациональности и непостижимости главного деятеля истории — человека. Просто поразительно, как охотно об этом твердят иные ведущие представители «новой научной» истории! О «таком странном, непредсказуемом и иррациональном создании, как человек» пишет маститый американский исследователь Л. Стоун, требуя вследствие этого от историка «подобающей скромности в отношении значительности его открытий в этой самой трудной из дисциплин» [22]. Другой признанный авторитет американской «новой научной» истории П. Левенберг подчеркивает, что «силы страсти и иррациональности вокруг нас и в нас самих настолько переполняют историю, что их невозможно отрицать» [23]. Более того, видный американский историк М. Кеммен усматривает «одну из привлекательных тенденций современной исторической мысли» в «растущем признании значения нерациональных элементов в истории и поведении человека» [24].

Таким образом, сциентизация буржуазной историографии оказалась весьма относительной, поверхностной и не привела к радикальному пересмотру понимания природы исторического познания. Да и сама «научность» истории понимается достаточно примитивно. Один из адептов «новой научной» истории американец Дж. Кауссер, связывая с ее успехами надежду, что «история может по крайней мере отчасти стать наукой», тут же спешит оговориться: «Под «научной» я понимаю здесь не то, что историки обнаружат универсальные законы, но просто, что они установят широкое согласие по ряду важных, хотя и узких фактов... и что систематическое исследование, основывающееся на ранее прочно обоснованных результатах, возможно» [25].

Итак, научность истории заключается, согласно этой весьма распространенной на Западе точке зрения, не в ее способности давать объективно-истинное знание о своем предмете, не в том, что она, оперируя строго научными категориями, раскрывает действительные закономерности общественного развития, а в возможности получения ею более или менее систематического «общезначимого» знания. При этом обращение к методам естественных наук еще отнюдь не свидетельствует о признании естественнонаучного характера развития общества. Напротив, буржуазные авторы обрушиваются на тех мыслителей прошлого, которые пытались сблизить социальные и естественные законы с целью придать обществу характер организма, развивающегося с необходимостью и объективностью природы [26].

Да и о какой естественнонаучной точности можно говорить, если утверждается, что история с помощью абстрактных универсальных понятий «формирует время», т. е., другими словами, создает субъективную в своей основе конструкцию исторического процесса. Обосновывая это положение, американский автор П. Мунц заявляет, что «время трансформируется в историю сознанием и что сознание способно совершить эту трансформацию с помощью универсалий» [27]. Интересно, что Мунц — убежденный структуралист, свою теорию он определяет как один из вариантов структурализма [28]. Так, в русле «новой научной» истории оказываются возможными самые устарелые представления о природе исторического познания, прямо отрицающие его объективность.

---

[22] Stone L. The Past and the Present. Boston — Lnd.— Henley. 1981, p. 43.
[23] Loewenberg P. Psychohistory. In: The Past Before Us. Itaca—Lnd. 1980, p. 409.
[24] Kammen M. The Historian's Vocation and the State of the Discipline in the United States.— Ibid., p. 39.
[25] Kousser J. Quantitative Social-Scientific History.— Ibid., p. 446, f. 30.
[26] Barnard F. M. Natural Growth and Purposive Development: Vico and Herder.— HT, 1979, vol. XVIII, № 1, pp. 35—36.
[27] Munz P. The Shapes of Time. Middletown (Conn.). 1977, p. 19.
[28] Ibid., p. 13.

Но даже те буржуазные ученые, которые более или менее решительно выступают против субъективистских концепций, не могут найти верного решения проблемы научности исторического познания. Вот ход рассуждений видного западногерманского представителя аналитической философии истории К. Ахама. Он в принципе признает возможность объективности исторического познания, обильно цитируя при этом марксистских, в том числе советских, авторов. Но, выступая против субъективизма, он, по существу, именно на субъективистской основе решает проблему объективности исторического знания. Только так можно понимать утверждение Ахама, что условием объективности является общее согласие относительно критериев отбора материалов, определяющихся практическими интересами или убеждениями историка. «Если мы называем историка объективным,— подчеркивает он далее,— то тем самым прежде всего полагаем, что он представляет суждение, которое по своему когнитивному (познавательному) содержанию способно выдержать интерсубъективный контроль» [29]. Научную несостоятельность отождествления объективности и общезначимости раскрыл еще Ленин, подчеркивавший в полемике с русскими махистами, которые настаивали на таком отождествлении, что «общезначима и религия» [30]. Таков теоретический уровень сторонников современного неообъективизма, повторяющих зады давно раскритикованных марксистской наукой идеалистических представлений.

Может быть, самым разительным свидетельством поверхностного характера сциентизации, переживаемой буржуазной историографией, является то, что она не только не сняла острого для нее вопроса, является ли история наукой, но и парадоксальным образом еще более обострила его. «Более того,— признает Кеммен,— давний вопрос, является ли или может ли быть история научной дисциплиной, кажется сейчас дальше, чем когда-либо от решения» [31]. И совсем уж поразительное заявление делает по этому поводу признанный лидер американских клиометристов Р. Фогель. Составив себе громкое имя в западной науке благодаря широкому применению количественных методов и построению математических моделей, он тем не менее утверждает, что «квантификация (в данном случае — математизация.— *Б. М.*) не превращает историю в науку, а просто расширяет сумму научно обоснованного знания, на которое могут опираться историки». «Я не верю,— заключает он ход своих мыслей,— что квантификация требует отказа от истории как искусства» [32].

Почему же сциентизация буржуазной историографии, даже по признанию ее поборников, не привела к ее превращению в науку? Отвечая на этот вопрос, видный американский клиометрист Д. Клабб признает, что не математические и прочие процедуры, а «иные вопросы имеют более фундаментальное значение. Центральными среди них являются проблемы теории и концептуализации» [33]. Непосредственной целью всякой науки является теоретическое отражение действительности. Она обладает определенной системой основных научных понятий, с помощью которых осуществляет описание и объяснение изучаемого ею материала. Применительно к истории это означает обладание категориальным аппаратом для осмысления исторической действительности на концептуально-теоретическом уровне. В отличие от искусства история, как и другие науки, осваивает действительность прежде всего в форме научных понятий, адекватно раскрывающих существенно закономерные связи реально-

[29] Acham K. Grundlagenprobleme der Geschichtswissenschaft. In: Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. 10. Lieferung. München — Wien. 1974, S. 36.

[30] Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 194.

[31] Kammen M. Op. cit., p. 32.

[32] Fogel R. W. The Limits of Quantitative in History.— The American Historical Review (далее — AHR), 1975, vol. 80, № 2, pp. 349—350.

[33] Clubb J. M. History as a Social Science.— International Social Science Journal, 1981, vol. XXXIII, № 4, p. 600.

го мира. Другими словами, именно в сфере исторического синтеза и выражается природа истории как науки.

Но как раз сфера теории, синтеза остается уязвимым местом «новой научной» истории. Более того, выражая достаточно распространенное на этот счет мнение, Фогель даже полагает, что она вообще находится за пределами науки. Признавая полезность и необходимость заимствования историей достижений социальных наук, он вместе с тем настаивает, что хотя эти достижения могут быть включены в исторический синтез, этот последний лежит вне компетенции социальных наук. Когда историки стремятся осмыслить человеческое поведение в целом, они, уверяет Фогель, выходят за рамки социальных наук и вторгаются в моральную и эстетическую сферы [34]. Иначе говоря, исторический синтез мыслится делом не столько науки, сколько искусства. Но это означает признание принципиальной невозможности освоения исторической действительности на уровне научной теории. Ведь выход исторического синтеза в сферу морали и искусства прямо предполагает и уж во всяком случае не исключает существования «загадки истории», которую можно выразить с помощью моральных категорий или художественных образов, но отнюдь не постичь посредством научных понятий. Причем сциентизация истории не только не ведет к разгадке ее тайн, но и делает еще очевиднее пределы научного познания человеческой деятельности, обусловленные значительной неопределенностью и непредсказуемостью ее последствий [35].

Любопытно, что цитировавшийся выше Кеммен видит существенный признак состояния американской историографии именно в утверждении в ней подобных представлений. Он подчеркивает, что на протяжении жизни одного поколения в ней утверждается «признание наличия необъяснимых элементов в человеческой истории... Историки стали осторожны в отношении некритического заимствования своих объяснений человеческого поведения из социальных наук» [36]. И это говорится о поколении, пережившем триумфальный марш «новой научной» истории! Отказ модернизированной буржуазной историографии от неокантианских представлений об истории как индивидуализирующей дисциплине не является, следовательно, таким радикальным, как это могло показаться на первый взгляд в свете ее обращения к социальным и даже естественным наукам. При более внимательном ознакомлении с природой этого обращения обнаруживается его преимущественно инструменталистский характер. Речь идет главным образом о заимствовании методов этих наук, которые действительно значительно расширяют познавательные возможности буржуазной историографии, но в сущности не посягают на ее идеографическую природу.

Даже бесспорно возросший в последние десятилетия акцент на общее в историческом исследовании причудливо совмещается с сохранением фундаментального методологического положения об истории как индивидуализирующей науке. «Для историка,— утверждает Стоун,— пришло время вновь подчеркивать значение конкретного, особенного и случайного, так же как общей теоретической модели и процедурного подхода» [37]. Но как раз с теоретической моделью, по признанию самих буржуазных авторов, дело обстоит далеко не лучшим образом. Несмотря на интенсивные поиски в этом направлении, по-прежнему не прекращаются жалобы на «дефицит теории». Как констатирует автор недавно вышедшего в США обобщающего историографического исследования Э. Брейзах, буржуазная историческая мысль не смогла выработать новую концептуальную модель, соединяющую прошлое, настоящее и будущее. При этом он харак-

[34] Fogel R. W. Op. cit., p. 342.
[35] May E. R. «Lessons» of the Past: The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. N. Y. 1973, p. 179.
[36] Kammen M. Op. cit., p. 40.
[37] Stone L. Op. cit., p. 43.

терным образом связывает необходимость создания такой модели с возвращением истории ее былой роли в жизни общества. «Только такая модель,— заявляет он,— сделает историю полезной» [38].

В поисках этой модели буржуазные ученые вынуждены постоянно обращаться к прошлому своей науки. В свете этого следует рассматривать постановку на XVI Международном конгрессе исторических наук (Штутгарт, 1986 г.) темы «Макс Вебер и методология истории». В ходе ее обсуждения в ряде докладов и выступлений западных, в особенности западногерманских, историков явственно обнаруживалось стремление выдать за такую «универсальную модель» историческую концепцию Вебера. Ее притягательная сила для буржуазных теоретиков заключается в претензии быть «решающей альтернативой» марксизму и даже его «преодолением». М. Вебер (1864—1920 гг.) бесспорно являлся одним из крупнейших буржуазных мыслителей, оказавших серьезное воздействие на развитие многих отраслей немарксистского обществоведения XX в., в том числе исторической науки. В его работах содержатся ценные положения, раскрывающие социальное значение некоторых этических, правовых и религиозных концепций прошлого. Его общеисторические представления испытали несомненно влияние марксистского учения об обществе. Однако его претензия на создание всеобъемлющей теоретической модели, способной «преодолеть» марксистское понимание истории, как об этом свидетельствует все развитие социально-исторического познания в нашем столетии, оказалась несостоятельной в самой своей основе [39].

Несмотря на традиционный пиетет, которым окружено имя Вебера в буржуазном обществоведении, его историко-теоретические представления отнюдь не стали там господствующими. Показательна в этом отношении уже упоминавшаяся дискуссия о методологии Вебера на XVI Международном конгрессе исторических наук, в ходе которой даже некоторые немарксистские ученые выступили с достаточно основательной ее критикой [40]. Важно, однако, подчеркнуть и другое — в представлении современных апологетов Вебера его теоретические концепции имеют весьма ограниченное значение. Речь идет отнюдь не о теории исторического процесса в целом или хотя бы теории развития западного общества, а о системе «чистых типов», или моделей развития, способных интерпретировать исторический процесс в свете «традиций западного индивидуализма» с целью «содействовать сохранению оптимума свободы и человеческого достоинства в современном мире» [41].

Попытка создания своеобразного «культа» Вебера еще ярче высветила теоретическую несостоятельность современной буржуазной исторической мысли. Модернизация теоретико-методологических основ буржуазной историографии, предпринятая во имя повышения ее социальной значимости, эту свою главную задачу решить не смогла. Но в то же время она породила новые проблемы. В их числе — прогрессирующая разобщенность различных отраслей исторического знания, ставящая под угрозу единство истории как научной дисциплины. Протекающая с различной степенью интенсивности в разных национальных историографиях, особой остроты она достигла ныне в США, где в рамках «новой научной» истории возник ряд субдисциплин, мало или вовсе между собой не связан-

---

[38] Breisach E. Historiography: Ancient, Medieval and Modern. Chicago—Lnd. 1983, p. 411.

[39] См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М. 1958, с. 96—105; Смоленский Н. И. К критике концепции Макса Вебера о природе исторического познания.— Новая и новейшая история, 1985, № 3.

[40] См.: Тихвинский С. Л., Тишков В. А. XVI Международный конгресс исторических наук.— ВИ, 1986, № 1, с. 16—17.

[41] Mommsen W. J. Max Webers Begriff der Universalgeschichte.— Comité International des Sciences Historiques. XVI Congrès International des Sciences Historiques. Rapports (далее — Rapports). Stuttgart. 1985, p. 257.

ных, а с другой стороны, возросла разобщенность специалистов, изучающих различные историко-географические регионы.

По признанию президента Американской исторической ассоциации Ф. Куртина, чрезмерная специализация является фундаментальной проблемой, негативно влияющей как на изучение истории в США, так и на ее преподавание. Он отмечал, что необычайное расширение дисциплины в послевоенные десятилетия обернулось падением эрудиции специалистов, утратой способности осмысливать исторический процесс в его целостности. Сегодня, пишет он, «новые специалисты по истории Азии и Африки ничего не знают о европейской или американской истории. Американисты знают европейскую историю меньше, чем 30 лет назад». Куртин, отмечая рост специализации и взаимоотчуждения в рамках Американской исторической ассоциации, подчеркивает серьезные его последствия для этой организации и исторической науки в целом [42].

Эта разобщенность нередко выливается в прямой антагонизм между «новыми» и традиционными историками, доходящий в своих крайних выражениях до отрицания за традиционной наукой права на существование. Такая агрессивность особенно характерна для некоторых психоисториков, с большим шумом противопоставляющих свою дисциплину «ненаучной» истории. Показательным примером этого являются рассуждения одного из крупнейших и претенциознейших американских психоисториков, Л. де Мозе. В статье под многозначительным названием «Психоистория: новая наука» он прямо противопоставляет свою дисциплину погрязшей в академической схоластике традиционной истории, утверждая, что именно «психоистория стала наукой о моделях исторических мотиваций» [43]. Своеобразным апогеем нигилистического отношения наиболее воинствующей части психоисториков к истории стала прошедшая в 1981 г. на страницах «The Journal of Psychohistory» дискуссия. Подавляющее большинство ее участников, включая де Мозе, продемонстрировало глубокое неприятие собственно истории как извращенной фантазии, иллюзии, к тому же идущей как особая наука к своему концу [44].

Конечно, подобные высказывания, а их легко умножить, являются крайностями. Однако в гипертрофированном виде они выражают определенную тенденцию, связанную со сциентизацией буржуазной историографии и угрожающую, говоря словами Стоуна, ее «расколу на соперничающие клики» [45]. Эта угроза является тем более реальной, что и со стороны традиционных историков имеет место аналогичное отношение к оппонентам, стимулируемое очевидными «ножницами» между претензиями «новых научных» историков и действительностью. Это хорошо видно на примере клиометрических (основанных на применении математических методов) исследований, выступающих своеобразной визитной карточкой «новой научной» истории. Сегодня являются общепризнанными как огромный размах этих исследований, захвативших буквально все сферы исторического знания, так и полученные в их итоге результаты. Общепризнанно, однако, и другое: реальная действительность оказалась далеко не такой, какой ее 10—15 лет назад представляли ревностные поборники математизации истории, когда Э. Ле Руа Ладюри предсказывал, что в 80-е годы «историк будет программистом, или он не будет никем» [46].

В действительности, как известно, всеобщей компьютеризации истории не произошло. Как вынужден признать Д. Лендес, президент Амери-

[42] Curtin Ph. D. Depth, Span and Relevance.— AHR, 1984, vol. 89, № 1, pp. 1—3; см также: Handlin O. Truth in History. Cambridge (Mass.).— Lnd. 1979, p. 17.

[43] Mause L. de. Psychohistory: The New Science.— The Journal of Psychohistory (далее — JPH), 1975, vol. 3, № 1, p. 124.

[44] См. The Psychohistory of History. A Symposium.— JPH, 1981, vol. 8, № 3, pp. 259—279.

[45] Stone L. Op. cit., p. 43.

[46] Le Roy Ladurie E. Le Territoire de l'Historien. Vol. I. P. 1973, p. 14.

канской ассоциации экономической истории, в рамках которой клиометрические исследования в США приобрели особенно большой размах, «многие, если не большинство важных вопросов, которые мы решаем, не поддаются, по крайней мере еще не поддаются, количественному анализу... Есть целые сферы истории, где мы, очевидно, никогда не будем иметь цифровых данных, в которых нуждаемся. Иногда мы их имеем, но они недостаточны» [47]. О непростых проблемах, связанных с применением количественных методов в истории, пишут и авторы новейших обобщающих обзоров, видные американские клиометристы А. Дж. Боуг и Т. К. Рабб [48].

Клиометрическим исследованиям, в особенности в США, оказалась присуща сильная струя антиисторизма. Как подчеркивают советские историки, «представители «клиометрической истории» в США не только по-прежнему расщепляют исследование исторического процесса на отдельные элементы, но и стремятся исключить изучение базисных явлений из сферы исторического исследования. Большая часть исследований по экономической истории носит характер эмпирических исследований локальных явлений» [49]. Что же касается предпринимавшихся отдельными клиометристами попыток широких концептуальных построений, то они носят, как правило, субъективистско-волюнтаристский характер [50].

Особого разговора заслуживают форма и язык клиометрических исследований, делающие их непонятными для историков, не прошедших математической подготовки, и еще более усиливающие разрыв между ними и традиционными историками. Если даже считать преувеличением утверждения типа, что нельзя писать одновременно на математическом и английском языке, то проблема взаимопонимания между разными течениями буржуазной исторической науки несомненно существует, еще более обостряя опасность ее раскола. Проблема коммуникативности имеет и другую, не менее важную сторону. Обильное заимствование методов и языка естественных наук таит в себе реальную опасность превращения истории в эзотерическую науку (т. е. доступную немногим избранным, к которым она, в сущности, и апеллирует). Тем самым исчезает прямая связь между историками и широкой читающей публикой, которая была столь характерна для исторической науки XIX в., являясь одним из важнейших источников ее высокого социального престижа. Очевидно, что это не может не отразиться в целом на реализации буржуазной историографией своей социальной функции.

В числе проблем, порожденных сциентизацией буржуазной историографии, одна на первый взгляд звучит неожиданно, но тем не менее она действительно существует. Речь идет о верифицируемости (показательности, проверяемости) источников, с которыми работают «новые научные» историки. Казалось бы, сциентизация буржуазной историографии должна была привести к совершенствованию приемов источникового анализа. В действительности произошло нечто обратное: налицо известная утрата тех позитивных качеств, которые издавна были присущи буржуазному историзму, выработавшему четкую методическую процедуру формальной критики источников. Присущее «новой научной» истории рас-

---

[47] Landes D. S. On Avoiding Babel.— The Journal of Economic History, 1978, vol. XXXVIII, № 1, pp. 6—7.

[48] Боуг А. Дж. Квантификация в 80-х годах (Численный и формальный анализ в изучении истории Соединенных Штатов). В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии. М. 1983; Рабб Т. К. Развитие квантификации в историческом исследовании.— Там же.

[49] Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии.— Там же, с. 17.

[50] Ковальченко И. Д. О моделировании исторических процессов.— Там же, с. 30—31; см. также: Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке.— История СССР, 1976, № 5.

ширение их круга нередко имеет своей оборотной стороной заметное падение техники работы с ними. Многие ответственные выводы делаются на практически не верифицируемом материале, основываются на несоответственно узкой эмпирической базе.

Это относится прежде всего к психоистории, неудовлетворительность источниковой базы которой давно уже стала предметом критики даже со стороны сочувственно относящихся к ней буржуазных авторов [51]. Серьезные критические замечания делаются в этом плане и в адрес клиометрии. В частности, Стоун убедительно показал невозможность приспособить ее к тем профессиональным стандартам, которые веками вырабатывались в историографии для научной оценки исторических свидетельств, вследствие чего читателю остается принимать на веру клиометрические построения, которые он не может проверить или оценить их достоверность [52].

Особенно рельефно присущие модернизированной буржуазной исторической науке черты антиисторизма проявляются в характерном для нее противопоставлении событийной и структурной («серийной») истории. Справедливо выступая против свойственного традиционной буржуазной историографии поверхностного описательства, выдвигая в противоположность этому требование выявления глубинных факторов исторического процесса, «новые научные» историки бросились в другую, едва ли не еще более пагубную для самого существования исторической науки крайность. Концентрируя свои усилия на изучении структур, локальных экономических или социальных явлений и т. п., они «расщепляют исследование исторического процесса на отдельные элементы» [53], вследствие чего утрачивается представление о целостности истории. К тому же из нее изгоняется центральная категория, на которой базируется все историческое познание,— историческое событие. Как подчеркивал А. И. Данилов, «исторический мир — мир событий. Там, где их нет, нет изменения, движения, развития, а следовательно — и истории как действительности» [54].

Какое бы значение ни имело исследование экономических, демографических и иных процессов, оно может считаться историческим лишь в том случае, если органически включается в событийную канву, в которой выражается движение истории. В противном случае это будет уже не история, а какая-то другая наука, может быть не менее важная, но не история. Дисциплина, игнорирующая события, в которых воплощается деятельность человека в истории, противопоставляющая им т. н. структуры длительной протяженности или построенные математическим путем клиометрические модели, практически перестает быть историей в общепринятом смысле этого слова.

Таким образом, сциентизация истории может быть охарактеризована как явление крайне противоречивое по своей теоретической сущности и последствиям для развития буржуазной историографии. Отсюда вытекает неоднозначное отношение к ней западных историков. С одной стороны, признается необратимость самого процесса сближения истории с социальными и естественными науками, что ведет к перманентному расширению границ фактического знания, обогащению познавательного инструментария, известному росту теоретического понимания. С другой — в этом процессе усматриваются тревожные тенденции, ведущие к саморазрушению буржуазного историзма. Отсюда — острая, подчас весьма язвительная критика «крайностей» сциентизации, в особенности в форме

---

[51] Izenberg G. Psychohistory and Intellectual History.— HT, 1975, vol. XIV, № 2, p. 139.

[52] Stone L. Op. cit., pp. 33—36.

[53] Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Ук. соч., с. 17.

[54] Данилов А. И. Историческое событие и историческая наука.— Средние века. Вып. 43, с. 16.

клиометрии и психоистории, а также требования о пересмотре характера взаимоотношений между историей и социальными науками.

Не отрицая в принципе плодотворности самого факта сближения между этими дисциплинами, некоторые буржуазные историки справедливо предостерегают об опасности чрезмерной социологизации исторической науки, угрожающей ее самостоятельности. При этом указывается на глубокий кризис, который переживают буржуазные социальные науки, неспособные удовлетворительно решать больные вопросы жизни современного капиталистического общества. Поэтому Стоун, обыгрывая известное выражение, полагает, что «может быть, наступило время для исторических крыс не карабкаться на борт корабля социальных наук, а бежать с него, поскольку он дал течь и нуждается в капитальном ремонте»[55]. Такой формой бегства, вероятно, и следует считать весьма примечательное явление в современной буржуазной историографии, получившее название «возрождение нарратива». Еще в самом начале 70-х годов видный английский историк А. Марвик, констатируя определенное разочарование своих британских коллег в возможностях социологизированной истории, проницательно подметил поворот «к тому роду истории, который характеризуется тесной близостью с литературой»[56].

Этот поворот заслуживает особого внимания, поскольку в нем отразилась одна из новейших тенденций современной буржуазной историографии, объективно свидетельствующая о тупиках буржуазной сциентизации истории. В 70-е годы в различных национальных историографиях Запада явственно обнаруживается стремление к своеобразной реабилитации повествовательного историописания (нарратива) как главной формы изображения истории. Не говоря уже о многочисленных высказываниях различных буржуазных авторов, констатирующих (и приветствующих) возрождение нарратива[57], это явление получило основательную теоретическую разработку прежде всего в капитальной монографии Х. Уайта, расцениваемой на Западе как один из самых значительных историко-теоретических трудов XX в., ставшей поворотным пунктом в современной дискуссии об основах исторической науки. Уайт разрабатывает теорию историописания как вербальной (словесной) структуры, выдвигая на первый план в историческом творчестве литературное оформление труда историка[58].

Показательны сдвиги, происходящие в новейшей французской историографии. Если совсем недавно представители т. н. новой исторической науки, занимающей ведущее положение в современной французской буржуазной историографии, решительно отвергали событийную историю как ненаучную[59], то со второй половины 70-х годов положение стало существенно меняться. К событийной истории обратился даже такой непримиримый в недавнем прошлом ее противник, как Ле Руа Ладюри[60]. «Возрождение нарратива» является в настоящее время одной из характерных черт «новой исторической науки» во Франции[61].

Особенно интенсивно проблема нарратива дискутируется в историографии ФРГ. Достаточно сказать, что только в конце 70-х годов здесь прошел ряд дискуссий, посвященных соотношению теории и рассказа в историописании, его формах и т. п. Опубликованные материалы этих дискуссий (участие в которых приняли многие известные западногерманские ученые) свидетельствуют о совершающемся в настоящее время пе-

[55] Stone L. Op. cit., pp. 32—33.
[56] Marwick A. The Nature of History. N. Y. 1971, p. 266.
[57] См. об этом: Stone L. Op. cit., pp. 74—96.
[58] White H. Metahistory. Baltimore—Lnd. 1973, p. IX.
[59] О «новой исторической науке» во Франции см.: Афанасьев Ю. Н. Вчера и сегодня французской «новой исторической науки».— ВИ, 1984, № 8.
[60] Le Roy Ladurie E. Le Carneval de Romans. P. 1979.
[61] См. Mommsen W. J. Narrative History and Structural History: Past, Present, Perspectives.— Rapports, p. 841.

ресмотре понимания самой природы и задач историописания. В своих крайних выражениях он простирается до требования вообще изгнать из историописания всякую теорию. «Я не верю в то, что история нуждается в теории,— заявляет Г. Манн.— История является искусством, которое основывается на знаниях, и ничем более» [62].

Более распространенным, и, конечно, перспективным является стремление обосновать такую форму историописания, которая бы сочетала теорию и повествование (рассказ). Наиболее последовательно оно выражается Й. Рюзеном. Признавая, что рассказ является наиболее адекватной формой историописания, он вместе с тем подчеркивает, что «без теории нет истории», что она лежит в основе всякой нарративной конструкции [63]. Особый интерес представляет другая его дискуссионная статья, поднимающая на обильном историографическом материале проблему историописания как теоретическую проблему исторической науки. Отмечая, что историописание возникло и развивалось как ветвь риторики и лишь в XIX в. вследствие онаучивания исторического мышления вышло из-под ее компетенции, Рюзен подчеркивает, что в 70-е годы нашего столетия в дискуссии о теории и рассказе произошло новое открытие историописания как главной проблемы исторической науки [64].

Почему же это случилось именно в 70-е годы? Ответ Рюзена представляется весьма поучительным для понимания процессов, происходящих в современной буржуазной историографии. Самым определенным образом он связывает обращение к нарративу с последствиями сциентизации истории: курс на сближение истории с социальными науками поставил под вопрос ее самостоятельность, а следовательно, и право на существование в ряду других наук, ибо оказывается неопределенно-расплывчатым сам конституирующий признак, отличающий сциентизированную историографию от других социальных наук. Вот почему, подчеркивает Рюзен, «в целях самосохранения исторической науки как дисциплины стало необходимым найти критерий, с помощью которого можно будет четко определить ее своеобразие и ее задачи в контексте с другими науками. Этим критерием оказалась нарративная структура исторических суждений». И далее он утверждает, что именно в рассказе история реализует свое своеобразие как наука [65]. Поэтому Рюзен настаивает на необходимости радикального пересмотра функциональной зависимости исторического изображения от исторического исследования в плане признания приоритета рассказа с присущими ему эстетическими и поэтическими принципами над историческим методом как совокупностью исследовательских процедур. Соответственно этому, полагает Рюзен, теория истории должна снова, как и встарь, стать поэтикой историописания [66].

Само по себе обращение к эстетической стороне исторического познания никак не может быть отнесено к негативным явлениям в развитии исторической науки. Напротив, оно является здоровой реакцией против чрезмерной социологизации истории, угрожающей самому ее статусу как науки, раскрывающей историческую деятельность человека. Дело в самой направленности обращения буржуазных теоретиков к нарративу. Он всегда существовал в буржуазной историографии, и едва ли его позиции

---

[62] Mann G. Plädoyer für die historische Erzählung. In: Theorie und Erzählung in der Geschichte. München. 1979, S. 53.

[63] Rüsen J. Wie kann man Geschichte vernünftig schreiben? — Ibid., S. 328.

[64] См. Rüsen J. Geschichtsschreibung als Theorieproblem der Geschichtswissenschaft. In: Formen der Geschichtsschreibung. München. 1982. S. 23.

[65] Ibid. Впрочем, существует и другая, более общая, причина негативной реакции на сциентизацию истории. Она уходит своими корнями в духовную атмосферу современного западного общества, характеризующуюся нарастающим разочарованием в результатах НТР. На смену былой эйфории пришли скептицизм, пессимизм и даже открытая враждебность к науке как «настоящему злу» (см. Oexle O. G. Op. cit., S. 20).

[66] Rüsen J. Geschichtsschreibung als Theorieproblem, S. 24, 28.

были серьезно подорваны в период ее сциентизации. Поэтому явление, именуемое «возрождение нарратива», следует понимать не столько в буквальном смысле, сколько как выражение определенных сдвигов, происходящих в современном буржуазном историко-теоретическом мышлении. Хотя оно связано с реакцией на сциентизацию истории и подмечает некоторые ее действительные слабости и пороки, оно вместе с тем включает в себя очевидные негативные моменты, которые в конечном итоге и определяют его общее идейно-теоретическое звучание.

Прежде всего это то, что американский историк Дж. Иггерс называет вызовом нового риторического релятивизма, связывая его с «Метаисторией» Уайта как самым значительным отрицанием идеала исторической объективности[67]. Утверждается несостоятельность «попыток приспособиться к стандартам естественнонаучной беспристрастности»[68]. Более того, прямо отвергается возможность объективности исторического изображения на том основании, что факты и события, составляющие ткань нарратива, являются будто бы не отражением объективной действительности, а всего лишь языковыми конструкциями, которые создают обуреваемые разнообразными пристрастиями историки[69]. Соответственно этому подчеркивается ненаучность истории, ее неспособность открывать подлинные законы[70].

Оборотной стороной «риторического релятивизма» является усиление воинствующего методологического плюрализма современной буржуазной историографии. «Подавляющее большинство англо-американских академических историков,— отмечается в одной из новейших английских методологических работ,— и в своей практике, и в своих относительно редких теоретических построениях являются каузальными плюралистами»[71]. Автор другого историко-методологического труда Р. Беринжер (США) уже в обобщенном виде — в качестве определенной тенденции — формулирует положение о том, что «современная историография быстро движется от монокаузальности (однопричинности.— *Б. М.*) к плюрализму»[72]. Методологический плюрализм выступает сегодня едва ли не как самая общая черта буржуазной историографии, относительно которой у всех ее представителей существует поразительное единодушие. При этом примечательным образом его господство связывается с реакцией на сциентизацию. Так, Стоун, выражая распространенное на этот счет мнение, прямо именует его реакцией на упрощенный механистический детерминизм и монокаузальные, однолинейные теории исторического объяснения, якобы присущие социологизированной истории. Поэтому, заключает он ход своих мыслей, «первой причиной современного возрождения нарратива является широкое разочарование в экономических детерминистских моделях исторического объяснения»[73].

Это «разочарование» явственно просматривается, в частности, в исследовательских установках бурно прогрессирующей в последние десятилетия на Западе т. н. истории ментальности (от французского mentalités — умонастроения). Избрав в качестве предмета своего изучения сферу общественного мнения, коллективных умонастроений, социальных норм поведения и т. п., историки ментальности в определенной степени обогащают понимание духовной жизни прошлого, высвечивают такие ее ас-

---

[67] Iggers G. G. Transformation of Historical Studies in Historical Perspective. In: International Handbook of Historical Studies. Contemporary Research and Theory. Westport (Conn.). 1979, p. 25.

[68] Wright G. History as a Moral Science.— AHR, 1976, vol. 81, № 1, p. 11.

[69] Maier F. G. Der Historiker und die Texte.— HZ, 1984, Bd. 238, Hf. 1, S. 87—89.

[70] См. Порк А. А. Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий. Таллин. 1981, с. 141.

[71] McLennan G. Marxism and the Methodologies of History. Lnd. 1981, p. 233.

[72] Beringer R. E. Historical Analysis. Contemporary Approaches to Clio's Craft. N. Y. 1978, p. IX.

[73] Stone L. Op. cit., p. 80.

пекты, которые обычно оставались в тени. Однако научная значимость этих исследований во многом обесценивается подчеркнутым эмпиризмом их авторов. Решительное отрицание широких обобщений возводится ими в принцип, обосновывая который французский историк Ж. Дюби заявляет: «Поскольку каждая теория, пленником которой я могу стать, парализует наблюдаемую мною жизнь, я делаю все, чтобы освободиться от ее влияния» [74]. В особенности неприемлемой для буржуазных историков оказывается материалистическая теория исторического процесса. Утверждается невозможность обнаружить каузальные связи между материальными условиями жизни общества и господствующими в нем умонастроениями, социальным поведением его членов. Социальные конфликты отрываются от их экономической почвы, провозглашаются продуктом независимых от экономических фактов форм группового сознания [75].

Закономерным следствием борьбы с «методологическим догматизмом» и «механистическим детерминизмом» стало усиление субъективно-идеалистических тенденций в методологическом багаже современной буржуазной историографии. «Многие историки теперь убеждены,— утверждает Стоун,— что культурные группы и даже воля индивидуума являются потенциально по крайней мере такими же важными каузальными факторами перемен, как безличные силы материального производства и демографического роста. Нет теоретического резона в том, что последние должны всегда обусловливать первые, а не наоборот, и многочисленные примеры свидетельствуют об этом» [76].

Оборотной стороной этого убеждения является акцентирование иррациональных причин как в самой исторической действительности, так и в ее познании. Субъективно-иррационалистические черты оказались в той или иной степени присущими и буржуазному сциентизированному историческому мышлению. Тем более они усиливаются в связи с «возрождением нарратива», по существу определяя подход к историческому повествованию. Действительно, если на самом высоком уровне утверждается, что историк должен быть «повествователем о мире в движении — мире таком же сложном, непредсказуемом и изменчивом, как и наш собственный» [77], он должен обладать и адекватной для этого методологией.

В свете этого следует рассматривать возрастающий интерес буржуазной историографии к теоретическому наследию немецкого идеалистического историзма и в особенности его центральному ядру — учению о понимании. Прежде всего, разумеется, это относится к западногерманской исторической науке. Еще недавно заявлявшая о себе, как о находящейся «по ту сторону историзма», она в течение последнего десятилетия явственно продемонстрировала сближение с его основными методологическими посылками. Не случайно все методологические дискуссии последних лет апеллируют к классикам немецкого идеалистического историзма, в особенности — И. Г. Дройзену и В. Дильтею. Конечно, речь не идет о простом восприятии исторической традиции в современной историографии. Происходит более сложный процесс, который влиятельный западноевропейский историк К. Д. Эрдман, приспосабливающий эту традицию к современным реалиям, определил как возникновение неоисторизма [78].

О том, как далеко зашел этот процесс, свидетельствует эволюция одного из самых радикальных в буржуазной историографии ФРГ соци-

---

[74] Duby G. Nachwort zu: Duby G., Lardreau G. Geschichte und Geschichtswissenschaft. Frankfurt a/M. 1982, S. 184.

[75] См. Schulze H. Mentalitätsgeschichte — Chancen und Grenzen eines Paradigmas der französischen Geschichtswissenschaft.— GWU, 1985, Hf. 4, S. 250, 262.

[76] Stone L. Op. cit., p. 80.

[77] Bailyn B. The Challenge of Modern Historiography.— AHR, 1982, vol. 87, № 1, p. 24.

[78] См. Schleier H. Zum idealistischen Historismus in der bürgerlichen deutschen Geschichtswissenschaft.— Jahrbuch für Geschichte, 1983, Bd. 28, S. 149.

ально-критического течения. Начав с противопоставления своих идейно-теоретических позиций принципам классического немецкого историзма, его ведущие представители не только значительно смягчают это противопоставление, но и весьма недвусмысленно заявляют о своей причастности к исторической традиции. Один из ведущих представителей этого течения, Ю. Кока, прямо объявляет «герменевтическое (разъясняющее, истолковывающее.— *Б. М.*) понимание и интерпретацию» в изучении и изображении истории «обязательными и центральными» [79]. Неудивительно поэтому появление в такой атмосфере работ молодых историков, в которых превозносится «понимание», противопоставляемое объяснению, и соответственно история объявляется чисто описательной наукой [80].

Рассматривая теоретико-методологические искания современной буржуазной историографии, нельзя отвлекаться от их идейного смысла и направленности. Современная буржуазная историческая мысль составляет важное звено империалистической идеологии и подчиняется в своем развитии ее общим закономерностям. Не сводя историю к идеологии, признавая ее относительную самостоятельность как научной дисциплины, вместе с тем нельзя забывать о ее идеологическом характере, который собственно и находит выражение в том, что она в своих основополагающих установках и результатах отражает эти закономерности. Применительно к нынешней историографической ситуации это означает, что возрастание консервативных и откровенно реакционных тенденций в политике и идеологии правящих классов закономерно обнаруживается и в различных сферах буржуазной общественной мысли, в том числе и исторической.

В советской исторической науке поправение буржуазной историографии особенно убедительно показано на французском материале. «Перед исторической наукой,— подчеркивает Ю. Н. Афанасьев, говоря о современной ситуации во Франции,—... прямо ставится задача — вытравить из культурного наследия Франции идеи прогресса, революций и классовой борьбы, приспособить сознание рядового француза к буржуазному пониманию современной эпохи» [81].

Это положение в полной мере относится и к другим национальным буржуазным историографиям. Конечно, они идейно неоднородны, как неоднородно и само буржуазное общество, и одна из актуальных задач советской науки заключается в том, чтобы детально исследовать идейный облик буржуазной историографии во всей его многоцветности. И все же в достаточно пестрой гамме оттенков, составляющих этот облик, в настоящее время преобладают консервативные тона. Эта идейная направленность современной буржуазной историографии является существенным фактором, влияющим на ее методологические поиски и обусловливающим их конечную несостоятельность в главном — в попытках преодоления ее теоретико-методологического кризиса. Конечно, эти поиски отнюдь не являются целиком научно бесплодными, и историки-марксисты обязаны учитывать получаемые при этом позитивные результаты. Но это не может поколебать тот вывод, что главная цель буржуазных идеологов — создание действенной, с их точки зрения, альтернативы марксистскому пониманию истории — остается, как и прежде, неосуществимой.

В этом и коренятся глубинные истоки того, на первый взгляд, парадоксального, обстоятельства, что рост социальной активности буржуазной историографии выступает выражением кризиса ее социальной функции. Ибо сам по себе этот рост не решает проблем, стоящих перед буржуазной наукой. Более того, по свидетельству видного западногерманского исто-

---

[79] Kocka J. Quantifizierung in der Geschichtswissenschaft. In: Quantitative Methoden in der historisch—sozialwissenschaftlichen Forschung. Stuttgart. 1977, S. 8.

[80] Weymar E. Op. cit., S. 199—200.

[81] Афанасьев Ю. Н. Вчера и сегодня французской «новой исторической науки», с. 33.

рика В. Моммзена, он даже не в состоянии преодолеть отчужденность между читающей публикой и историками [82]. При этом обращает на себя внимание волнообразное движение кризиса. Если в 60-е — начале 70-х годов он особенно сильно проявлялся в ФРГ, где вообще была поставлена под вопрос социальная необходимость истории как науки [83], то в настоящее время его своеобразным эпицентром стали США. «Дисциплина в кризисе»,— провозглашает крупнейший американский историк О. Хэндлин, подчеркивая падение престижа изучения прошлого вследствие его неспособности быть полезным в настоящем и выражая в связи с этим разочарование результатами, полученными «новыми научными» историками [84]. «Профессиональные историки с их расхождениями по многим вопросам,— вторит ему С. Соннишен,— согласны в одном главном — их дисциплина больна, возможно, находится при смерти» [85].

При очевидной полемической заостренности этого положения оно тем не менее отражает действительные трудности, которые переживает сегодня американская буржуазная историография. Причины их не остаются тайной для наиболее вдумчивых ее представителей. Констатируя, что история переживает кризис, и задаваясь вопросом, «почему же история утратила влияние? Почему так настойчиво звучат сомнения в ее полезности и соответствии ее способа поиска истины нашему веку?», Э. Брейзах, чтобы получить ответ на эти вопросы, обращается к анализу духовного состояния современного буржуазного общества. Он справедливо указывает на присущие этому обществу черты антиисторизма, особенно усилившиеся после второй мировой войны. Причем Брейзах генерализирует свои наблюдения, безоговорочно распространяя их на всю буржуазную историографию и все буржуазное общество. И хотя он отмечает, что в 70-е годы «иллюзии о вневременном веке техники и технологии начали рассеиваться» и «вновь стало сознаваться постоянство фундаментальных изменений», общий его вывод об утрате буржуазной историографией той социальной роли, которую она играла в прошлом столетии, остается непоколебленным. Тем более, замечает он, что многие историки, ратующие за научность истории, прямо отрицают всякую общественную роль своей дисциплины [86].

Таким образом, новейшие тенденции в развитии современной буржуазной историографии свидетельствуют о продолжающемся ее кризисе. Определенные частные результаты, достигнутые в попытках его преодоления, не могут заслонить главного — буржуазная историческая наука оказалась неспособной радикально модернизировать свои теоретико-методологические основы. Разочаровавшись в возможности повышения своего социального статуса на путях сциентизации, она совершает очередной поворот — в сторону нарратива. Являясь по существу своему выражением движения буржуазной историографии вспять, этот поворот едва ли сможет оказаться устойчивым.

---

[82] См. Mommsen W. J. Die Sprache des Historikers.— HZ, 1984, Bd. 238, Hf. 1, S. 63.

[83] См. Могильницкий Б. Г. К характеристике современного этапа кризиса буржуазной историографии ФРГ. В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. Томск. 1980. К началу 80-х годов произошла определенная консолидация буржуазной историографии в ФРГ на методологической основе неоисторизма, способствовавшая укреплению ее социальных позиций. Произошло, по выражению влиятельного западногерманского историка Л. Галла, «новое открытие истории» в общественном сознании и даже в политике (см. Gall L. Die Bundesrepublik in der Kontinuität der deutschen Geschichte.— HZ, 1984, Bd. 239, Hf. 3, S. 603). Однако тот факт, что эта консолидация связана с усилением реакционных тенденций как в политических позициях западногерманской буржуазной историографии, так и в ее теоретико-методологических установках, обусловливает ее непрочность.

[84] См. Handlin O. Truth in History. Cambridge (Mass.).— Lnd. 1979, pp. VII—VIII, 8—11.

[85] Sonnichsen C. L. The Ambidextrous Historian. Oklachoma. 1981, p. 3.

[86] Breisach E. Op. cit., pp. 404—408.